

Димитриева О. А. Познание объективного мира и самопознание: глаголы с семантикой 'разрушение предмета' в представлении человека о себе // *Jazyk a kultura*. 2018. № 36. S. 7–14.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.05.2019).

Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд. Т. 1. М., 1999.

Лабунец Н. В.
Тюмень, Россия

ВЕЩЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: «СКАТЕРТЬ УЗОРЧАТОСЛОВНАЯ»

Проблема «слов и вещей» неоднократно становилась предметом гуманитарного изучения, однако в последнее время мир повседневного быта получает новое осмысление. Бытовые реалии, рассматриваемые в аспекте аксиологии, интерпретируются как символически нагруженные точки пересечения внешнего и внутреннего пространства человека. Скатерть не просто «бытийная мелочь», но одна из тех вещей, «душевная польза» которых, по выражению В. Н. Топорова, неоспорима. Забвение вещи, привычной детали русского быта, воспринимается как утрата ценностного смысла, становится символом культурного запустения: *«Не стелили скатерть камчатную узорчатословную ... оттого и дыхание рваное, злое, неровное ... пустыня синайская, край незаселенный»* (Виктор Кривулин, 1993 г.).

Скатерть, этнолингвистический комплекс в системе «славянских древностей», является артефактом «полотняного фольклора» (крестьянского, городского, монастырского), включаясь в ритуально-обрядовую деятельность, имеет региональную окрашенность, транслирует ментальные установки народа (*скатертью дорога; скатерке лежать, а дому стоять*).

Лингвокультурологическая и лингвоаксиологическая составляющие слова «скатерть» в докладе рассматривается на материале Национального корпуса русского языка (более 6000 вхождений), а также диалектных включений, в том числе сибирских, не вошедших в НКРЯ. Судя по лексикографическим данным, «скатерть» известна с XII (по

спискам XVI) в., имеет три этимологические версии, одна из которых в свете новых диалектных материалов получает дополнительное обоснование.

Семантика «скатерти», ее «узорчатословие», реализуется в нескольких направлениях: от «покрывало для стола», «стол», «обед» до «ровная, гладкая, широкая поверхность чего-л.»; от «белый», «белоснежный» до «чистый, священный». С XIX в. слово развивает географическое значение на основе ассоциативного сближения «домашней жизни» с внешней, природной: *«Москва разостлалась широкой скатертью»* (М. Загоскин). В XX в. скатерть-слово выступает как значимый компонент метафорической картины мира, связанный через сему «белый» с библейской символикой, христианским пониманием чистоты, благодати: *«Библейской скатертью богатый Арарат»* (О. Мандельштам), *«Душа, словно скатерть»* (А. Мариенгоф), *«В белизне скатерти ... чистота первозданная»* (С. Дангулов), *«Скатерть – радость, благодать!»* (А. Кушнер). В этот же период, судя по данным НКРЯ, скатерть-вещь вступает в конкуренцию с новыми «бытийными мелочами» – клеёнкой, позже – газетой, которые ассоциируются с ситуацией неблагополучия: *«Взамен крахмальных скатертей шли комсомольские газеты»* (Я. Смеляков).

Таким образом, слово *скатерть* в полной мере демонстрирует «человеческий слой» в вещи, «перестать ощущать который ... большая утрата для человека» [Топоров 1995: 33]. В новое время лингвокультурная маркированность «скатерти» сохраняется, однако в системе аксиологических координат скатерть перестает восприниматься как символ домашнего уюта, чистоты, благодати, получая значение утрачиваемой культурной ценности: *«Он вылетел в трубы освенцимских топок, мир скатерти белой в субботу»* (Б. Слуцкий), *«Веком своим были скатерти – теперь ведь нету, а тогда что?»* (диалектный подкорпус НКРЯ).

Литература

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.